

Глава третья

Общение с Аграфеной многое прояснило, хоть и не всё. Глава рода Сычёвых звался Афанасий Ильич, многострадальный Славик оказался его первым и единственным ребёнком, а по совместительству, наследником древней династии.

Учился Славик в Императорской Гимназии, закрытой школе для дворянских детей, и судя по словам девушки, если бы не кома, его бы непременно исключили за драку, но никто не мог даже представить, что Славик очнётся, и вопрос об исключении как-то замялся сам собой. Так что формально Краснослав Кувалда теперь числился учащимся выпускного класса, и совсем скоро ему предстояло сдавать экзамены. Какие именно экзамены — Аграфена даже не представляла, но вряд ли это была космическая навигация и тактика боя в безвоздушном пространстве.

По итогу экзаменов обычно становилось понятно, по какому ведомству продолжит службу юный дворянин, и продолжит ли вообще. Чаще всего результаты были известны задолго до самого экзамена, но в случае Краснослава такой предопределённости не было.

Удалось выведать немного политической обстановки. Империя здесь называлась Российской, и Краснослав сильно удивился, когда узнал, что кроме славянорусов её населяют и другие народы. Ещё больше он удивился, когда услышал про другие страны, с которыми Империя периодически воевала. Значит, этот мир ещё не преодолел порог государственной раздробленности, и был ещё более уязвим перед нашествием рептилоидов.

Правил сейчас Божией милостью Император и Самодержец Всероссийский Константин Второй, мягкий и незлобивый человек. И как понял Краснослав, из-за его мягкости вся Империя трещала по швам, раздираемая на части различными кланами и фракциями. Это тоже подкидывало проблем.

Но все эти проблемы Краснослав решил отложить на потом, а сейчас просто сидел на кухне и жадно поглощал уже третью тарелку борща, пока вокруг суетились служанки и кухарки, переполошённые внезапным появлением наследника.

Аграфена, которая разрешила называть себя Грушей, стояла рядом, на случай, если барчуку вдруг поплохее.

Но Краснослав только наливался румянцем, поедая борщ и заедая пампушками. Ему требовалась энергия, и самым простым способом её получения сейчас была еда. Вся энергия сразу шла на перестроение потоков Живы. Предыдущий хозяин этого тела, видимо, даже не догадывался о необходимости раскрытия энергетических центров, да и несколько наводящих вопросов дали Краснославу понять, что Груша тоже не знает о их существовании.

Мир этот, по разумению капитана Кувалды, оказался весьма и весьма отсталым. С другой стороны, он был человеком простым, и радовался даже этому. В конце концов, его миссия закончена успешно, Галактическая Империя Славянорусов праздновала победу, да и сам он

остался жив, хоть и таким необычным способом. А все остальные проблемы решаемы. Тем более, если за них возьмётся лучший пилот Галактики.

— И что же это получается, Груня, — произнёс Краснослав, откладывая ложку. — Мне в эту академию обратно придётся ехать?

— Гимназию, — поправила его Аграфена. — Это уж как батюшка ваш, Афанасий Ильич, решит.

— Спасибо, красавицы, — Кувалда поблагодарил служанок, когда те принялись убирать пустые тарелки, которых накопилась целая горка.

Те удивлённо начали переглядываться, видимо, прежний Славик такими словами по отношению к ним пренебрегал.

Краснослав поднялся, чувствуя, как пробегают по энергетическому контуру эманации борща, напивая его Живой.

— Теперь можно и делом заняться, — весело произнёс он.

— Может, не надо спешить? Отдохнул бы, полежал ещё... — растерянно спросила Груша, но Краснослав не был лежебокой.

Энергия требовала выхода.

— Лежать, Груня, мы будем потом, — отрезал он. — Надо делать дела.

Задачи себе Краснослав поставил воистину титанические, достойные настоящего славянорусса. Программа минимум — вернуть клану Сычёвых былое величие. Программа максимум — захватить власть над Империей, а затем и над всем миром, объединить его железной рукой, чтобы все народы могли вместе противостоять поганым ящерам.

— К отцу, — приказал он.

Девушка, по-прежнему одетая в короткий медицинский халат, взяла его за руку и повела за собой.

Кабинет Афанасия Ильича находился на третьем этаже поместья, и пока они поднимались по широкой дубовой лестнице, Краснослав во всех подробностях сумел рассмотреть внушительные бёдра Аграфены. Юное тело Славика неожиданно отреагировало мощным выбросом гормонов, но капитан Кувалда легко справился с приступом похоти, недостойной славянорусса.

Они остановились подле двери.

— Ты можешь идти, — произнёс Краснослав, распахивая дверь в кабинет Сычёва-старшего.

Отец сидел за массивным столом, нацепив маленькое пенсне, комично выглядящее на грубом лице, и листал какой-то толстый гроссбух, страницы которого были испещрены сотнями и тысячами цифр, пометок и сносок. Рядом стояла чернильница с пером, и Сычёв-старший периодически вносил какие-то пометки уже в другой гроссбух, чуть поменьше.

Афанасий Ильич поднял тяжёлый взгляд на отпрыска, который даже не удосужился постучать, прежде чем войти. Прежний Славик такого себе не позволял, и в душе главы рода поселилась смутная тревога. С его сыном и наследником произошло что-то непонятное, и это пугало сильнее, чем немилость императора.

Да и столь стремительное выздоровление... Несколько часов назад он видел бледный скелет, обтянутый кожей, а теперь перед ним стоял бодрый и румяный юноша. А Сычёв-старший давно перестал верить в чудеса.

– Ну, проходи, садись, – сказал он.

Первый грассбух он захлопнул и отодвинул, во втором пока сохли чернила.

Напротив стола стояло маленькое неудобное кресло, но Краснослав остался стоять. В таком кресле пусть сидят просители, а будущий глава рода пришёл сюда как полноправный член семьи.

– Мне нужна информация, – произнёс Краснослав.

Афанасий Ильич только поднял брови в немом жесте удивления.

– Я потерял память, ты знаешь, – пояснил Краснослав.

– И какая информация тебе нужна? Лучше полечись ещё, сын, – вздохнул отец. – Твоя травма и правда куда серьёзнее, чем мы думали.

Краснослав скрестил руки на груди.

– Я уже достаточно здоров, – возразил он. – Дай мне весь расклад. Какая нынче политическая обстановка в Империи, с кем дружить, кого недолюбливать, с кого можно потребовать должок, а к кому лучше не приближаться, и всё прочее.

Отец задумчиво почесал выбритый подбородок.

– Раньше ты не интересовался политикой, – произнёс он.

– У меня было много времени всё обдумать, – сказал Краснослав.

Афанасий Ильич набрал воздуха в грудь, чтоб возразить, мол, ты до сегодняшнего дня даже почти не дышал, но вдруг поник и сдулся, будто воздушный шарик. Его терзало сомнение.

Нынешний Славик походил на его сына только внешне, и простые побои никак не могли вбить ему в голову новые желания, идеи и мысли. Подозрение рождало недоверие, и открывать все карты внезапно исцелённому наследнику было чертовски трудно.

– Отец, – произнёс Краснослав.

Все эмоции были написаны у Сычёва-старшего на лице, и прочитать его было нетрудно даже не используя Веды.

– Ты что, хочешь, чтобы я ненароком спутал тебе все карты, когда вернусь в гимназию?

Подружился с кем-то из врагов, или оскорбил кого-то из старых друзей или родичей? Я **ВООБЩЕ** ничего не помню.

– Мы ещё не говорили с тобой про гимназию, – заметил отец.

– Догадаться нетрудно. Аграфена сказала, что меня так и не отчислили, значит, я имею право вернуться.

Афанасий Ильич снова почесал подбородок.

– Ты пропустил почти полгода, – сказал он. – Думаю, будет лучше, если мы подождём до осени, и ты продолжишь учиться с ребятами помладше. До экзаменов осталось всего два месяца.

Краснослав расхохотался.

– Наверстаю. Да и должен же я расквитаться с этими ублюдками.